

ЛАТУР Б. ПАСТЕР: ВОЙНА И МИР МИКРОБОВ, С ПРИЛОЖЕНИЕМ «НЕСВОДИМОГО» / ПЕР. С ФР. А. В. ДЬЯКОВА. СПБ.: ИЗД-ВО ЕВРОПЕЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ, 2015. 316 с. (СЕР. «ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ». Вып. 7) ISBN 978-5-94380-197-6

ЕЛЕНА ЛЕОНИДОВНА ЖЕЛТОВА

Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН

Россия, 125315, Москва, ул. Балтийская, д.14

E-mail: eleberle@gmail.com

Весной 2015 г. вышел русский перевод второго издания книги Бруно Латура о Луи Пастере «Пастер: война и мир микробов, с приложением “Несводимого”»¹, ставшей классической для социологии истории науки. Первое издание — «Микробы: война и мир, с приложением “Несводимого”»² — на русский язык не переводилось³. Латур не перерабатывал первый вариант книги для переиздания, а лишь дополнил библиографию, поэтому русскоязычный читатель фактически знакомится с ранней работой французского классика социологии науки, где на историческом материале впервые был применен метод одной из самых извест-

ных и спорных в социологии науки теорий — акторно-сетевой.

Напомним, что акторно-сетевая теория (АСТ) разрабатывалась в начале 1980-х гг. Мишелем Каллоном, Бруно Латуром и Джоном Ло. Тогда этих молодых исследователей объединило убеждение, что функционирование современного общества невозможно понять, если не принять во внимание, что результаты естественных наук, социальные завоевания общества, а также достижения в области техники и технологий, появились на свет не без влияния друг на друга. В АСТ предлагался методологический подход к исследованию области, объединяющей технику, науку и общественные явления, где на равных рассматриваются взаимодействия не только людей, но и сущностей любой другой природы, а в основу кладется новая топологическая картина, отказывающаяся от привычных понятий: уровня, иерархии, территории, сферы, структуры, системы. В «акторной сети», т. е. сети, составленной из взаимодействия разнообразных акторов: людей, их идей, понятий и т. д., объектов природы и искусственных объектов, —

¹ *Latour, B. Pasteur: guerre et paix des microbes, suivi de “Irreductions”*. 2^e éd. Paris: La Découverte, 2001 ((Poche. Sciences humaines et sociales. 114). P. 363.

² *Latour, B. Les Microbes: guerre et paix, suivi de “Irreductions”*. Paris: Métailié, Pandore, 1984.

³ Следует отметить, что в русском издании неверно приведена дата второго французского издания книги Латура о Пастере: и на обороте титульного листа, и в тексте указывается 2011 г., в то время как книга была переиздана в 2001 г.

внимание уделяется не природе актора, но его воздействию на другие акторы, которое, что важно, сопровождается трансформациями, преобразованиями как самих акторов, так и их действий. Эти важные для Латура трансформации и преобразования не отражались ни одним из традиционных терминов социальной теории. Самому понятию «акторная сеть» придается онтологическое значение, то есть акторная сеть ни в коем случае не является инструментом в руках исследователя, а, наоборот, раскрывается в ходе исследования – ведет исследователя по путям и ветвям сети от актора к актору.

С конца 1980-х гг. Латур становится главной фигурой, последовательно развивающей метод АСТ. Его книги, прежде всего «Наука в действии» (1987) и «Нового времени не было» (1991), приносят ему огромную популярность. И в 2007 г. Латур занимает 10 место в мире среди наиболее часто цитируемых авторов монографий в области гуманитарных наук.

Книга о Пастере, в которой АСТ применяется к исследованию историко-научного сюжета, также вызвала широкий отклик. Это понятно. До исследования Латура господствовал миф о величии гения Пастера. Особенно во Франции считалось, что Пастер создал и новую биологию, и новую медицину, и новую гигиену, что он «силой разума» преобразовал жизнь в Европе. Латур же достоверно показывает, в чем именно была заслуга Пастера и его лаборатории в грандиозной переконцовке социального устройства европейского общества ради всеобщего противостояния губительному действию микробов.

Латур описывает феномен успеха Пастера через взаимодействие различных сил французского общества. Он начинает с главной силы, возникшей после поражения Франции во

Франко-прусской войне 1870 года и направленной на возрождение страны через ее оздоровление. Латур обращает внимание на то, что во главе программы по оздоровлению французской нации встало многочисленное движение гигиенистов, что они еще до Пастера развернули широкомасштабную, но малоуспешную борьбу с тогда еще неясной силой, именуемой «заразой» и державшей в страхе не только Францию, но всю Европу.

Латур подчеркивает, что французское общество напряженно ожидало от гигиенистов разоблачения этих смертоносных сил, охвативших все сферы жизни. Поэтому, когда маленькая лаборатория Пастера смогла указать на источник заразы, на микробов, и объяснить, как изменяется действие невидимых, смертельно опасных сил в зависимости от условий, в которые они попадают, гигиенисты тут же вступили в выгодный союз с этой лабораторией. И сразу же пастерианцы, помимо своего намерения и возможностей, оказались востребованы во всех сферах общества, желавших дать отпор заразе, стали, по образному и точному выражению Латура, «официальными представителями» и «эксклюзивными интерпретаторами» микробов. По Латуру не Пастер завладел всей программой введения новых мер гигиены в обществе. Наоборот, многочисленные и весьма влиятельные гигиенисты, нуждавшиеся в том, чтобы кто-то диктовал им решения проблем и кому бы верили, делают из Пастера непререкаемого держателя истинного знания об источнике заразы и о способах борьбы с ней. Латур демонстрирует на фактах, что социология, замкнутая на взаимодействия только людей и упускающая из виду силу воздействия и власть микробов над событиями, не способна

объяснить, откуда, словно по мановению ока, взялась сила воздействия и власть идей Пастера. Но упования гигиенистов на лабораторию Пастера не возникли лишь по их желанию, — сам Пастер сделал решающий шаг навстречу. Гигиенисты, как показывает Латур, были убеждены, что болезни надо изучать на месте, с учетом всех обстоятельств и среды, в которой возникла и развивается болезнь, а отнюдь не в лабораториях. Ознакомившись с материалами общества, Пастер решает изменить исследовательскую программу лаборатории и развернуть исследование в том направлении, куда были направлены интересы гигиенистов: он решает в лабораторных условиях имитировать влияние среды. И как только Пастер стал имитировать влияние среды на вирулентность микробов, тут же все движение гигиенистов развернулось в сторону маленькой лаборатории на улице Ульм. Образовался взаимовыгодный союз: выдвигая Пастера в качестве гаранта эффективной борьбы с заразой, гигиенисты обретали все большую силу и влияние в обществе.

И далее Латур демонстрирует, что успех Пастера определился его взаимодействием с целой «сетью сил», циркулировавших во французском обществе, включая различные группы врачей: военных, гражданских, колониальных. Гений Пастера, в видении Латура, состоял не в одном таланте ученого-теоретика, ведущего лабораторные исследования, но и в способности отвечать своими исследованиями интересам общества, вступать в союз с уже сформировавшимися силами самого общества, привлекать эти силы на свою сторону.

Пастер не был единственным ученым, работавшим над проблемой влияния микробов на заболевания, были и другие не менее успешные

в теоретическом плане лаборатории. Но Пастер смог сконцентрировать на своей лаборатории внимание и интерес всего общества. Показывая, как это происходило, Латур выходит за пределы понятий социальной науки, уходя от представления о социальном контексте, разделявшем объект истории науки на научные дисциплины, с одной стороны, и общество — с другой. Латур полагает, что такое разделение повело исследователей по неверному пути и пытается показать одновременность и неразрывность процесса перестройки общества вследствие демонстрируемых Пастером научных фактов и процесса изменения самих экспериментов, которые ставит Пастер, и которые демонстрируют научные факты. Следуя этому своему намерению, в первой части книги, где рассматривается сюжет о Пастере, Латур показывает на конкретном материале, что прикладные результаты теоретической науки преобразуют и общество, и саму теоретическую науку.

Для русскоязычного читателя небезынтесен тот факт, что целый ряд понятий, на которые Латур опирается при рассмотрении сюжета о Пастере, напрямую заимствован из романа «Война и мир» Льва Николаевича Толстого. Поставив задачу разобраться в том, что было сделано Пастером на самом деле, а что ему, по сути, приписывается, Латур находит образец для воплощения своего замысла в «Войне и мире». Действительно, в свое время Толстой взялся за схожую задачу, он решил написать роман, так как был убежден, что историки создали ложную картину войн Наполеона 1805–1812 гг., что заслуги Наполеона преувеличены. Для Латура, который стремился выйти за пределы современной социальной науки и всматривался в те времена, когда слова «социальные силы», «социаль-

ный контекст» не повторялись повсеместно как сами собой разумеющиеся, «Война и мир» становится «неподражаемой моделью».

В романе Толстой раскрывает свою заветную мысль о том, что пока пишутся истории отдельных лиц, а не истории всех людей, принимавших участие в событии, нет возможности не приписывать отдельным лицам силы, заставляющей других людей двигаться к единой цели. В случае с Пастером, которому оказалось приписано то, чего он не совершал, Латур усматривает действие схожего механизма и стремится восстановить множество сил, действовавших вокруг Пастера, фактически следуя в собственном сюжете за Толстым. Помимо этого, он уделяет особое внимание критическому осмыслению в романе понятия власти и непосредственно берет на вооружение толстовское понятие стратегии. Латур согласен с Толстым, что стратег строит планы, но они «постоянно уплывают из-под ног», что, оказавшись посреди запутанных обстоятельств, стратег активно борется за то, чтобы в случае победы ему приписали всеобщую заслугу, а в случае поражения возложили ответственность на кого-нибудь другого. Вслед за Толстым Латур называет «стратегией» это активное суммирование действий других и, по сути, совместную выработку общей линии поведения. А для анализа деятельности Пастера заимствует и толстовскую модель «гения», согласно которой гений как раз и оказывается способен эффективно подытоживать действия других акторов. Но главной находкой Толстого Латур считает то, как в романе представлена композиция сил «победителей» и «побежденных». Ориентируясь на нее, французский социолог в собственном исследовании очерчивает ансамбль репрезентативных

групп, участвовавших в «пастеризации Франции»⁴.

Во второй части книги, названной «Несводимое», Латур сводит воедино свои общефилософские, не относящиеся к истории науки, размышления о динамике конфликтов и взаимодействиях акторов и сил различной природы. Он задается вопросом, что произойдет, если мы в своем взгляде на мир ослабим извечное желание сводить одно явление к другому? Латур критикует позицию социологического редукционизма и обосновывает право альтернативного подхода, который может быть назван «социологией несводимого».

Книги Латура «Пастер: война и мир микробов, с приложением “Несводимого”» читается с большим интересом не только по причине захватывающей интриги взаимодействия Пастера, микробов и французского общества, но и из-за изобилующего точными метафорами и поэтическими образами стиля повествования. Однако в качестве историко-научной работы, книга Латура обладает существенным изъяном: Латур неоправданно ограничивает исторические источники своего исследования тремя журналами за период с 1865 по 1905 г. Стремясь показать отсутствие грани между собственнo наукой и обществом, Латур не обращает внимания на то, как велись исследования в самой лаборатории Луи Пастера. На наш взгляд наука, ее внутренняя логика развития не приняты Латуром во внимание, а если бы это было сделано, то, скорее всего, и выводы Латура подверглись бы значительной корректировке.

⁴ Более подробно об этом см.: Желтова Е. Л. Лев Толстой в социологии науки Бруно Латура // Вопросы философии. 2017. № 5. С. 81–89.